Когда искра жизни Хоуленда покинула пределы богорощи, Катерина, наконец, позволила себе немного расслабиться. Она не желала, чтобы он понял, насколько в действительности тяжело ей пришлось. Проявление слабости никогда не было в чести у кислевитов, а уж для царей и цариц подобное вообще немыслимо, поэтому Катерина была полна решимости держать себя в руках. Плевать, что сейчас это трудно, а знания о её Старковской жизни твердят, что в том, чтобы поплакаться на груди хорошо знакомого мужчины, нет ничего дурного. Она не может позволить себе пасть так низко. Не после того позора, которым чуть не окончилась её первая жизнь! За несколько дней до своего последнего сражения она и так проявила отвратительное малодушие, едва не оставив своих людей, уйдя в ночь навстречу глупой смерти. Если бы не та девочка, которую к ней, наверное, привело само провидение, то гордая царица вполне могла шагнуть за грань как дрожащее ничтожество, недостойное даже памяти.

Катерина тихо выдохнула и прижала руку ко лбу, прикрыв ладонью глаза, пытаясь этим жестом то ли притушить головную боль, то ли смахнуть непрошеную слезу, вырванную тяжелыми воспоминаниями.

Более такого не повторится. Никогда.

Она отняла руку от лица и уставилась на, всё еще, непривычно мягкие и теплые пальцы.

Никогда?..

Катерина скривила губы в сардонической усмешке, потешаясь над своей эфемерной твёрдостью. И это после того, как чужие слова о символе, который, может быть, — только, может быть! — связан с Врагом, вызвали у неё чуть ли не истерику? После того, как она, забыв про осторожность, бездумно вцепилась в колдовское дерево, о котором знала едва больше чем ничего?

Как глупо.

Неужели за те недели, что она пребывала в сознании, тишина этого мира успела затереть предостережения, что были выгравированы в самой её сути годами беспощадного ученичества? Или же более десятилетия беспамятной жизни беспечной девочкой Старк влияет на её истинное «я» куда сильнее, чем она сама осознаёт? Она действительно не могла пробудиться, пока не оказалась при смерти или… просто не хотела?

Царица с силой прикусила нижнюю губу и ощутила на языке вкус собственной крови. Последняя мысль была не менее болезненна, чем удар под рёбра ржавым орочьим клинком. Если верно то, что она сама возжелала спрятаться от своего прошлого под личиной беспечной девочки, Лианны, то вывод прост и страшен: разрушение Кислева сломило её.

Как она должна жить дальше, если не может доверять самой себе? Теперь каждое её решение и каждая мысль под вопросом, ведь нельзя точно сказать, какие из них действительно рациональны, а над какими довлеет её недуг. И что случится, если она сейчас встретит тварь из-за грани? Противостояние таким созданиям зиждется, в первую очередь, на силе воли и убеждениях человека, а какая воля может быть у того, чей внутренний мир лежит в руинах? Отродье варпа легко почует бреши в хрупкой скорлупе и подлым червём проползёт за преграду, где просто выест её изнутри, оставив только пустую кожу как прикрытие своего бесчеловечного уродства!

Катерина закрыла глаза и медленно втянула носом нежные ароматы цветов и трав богорощи.

Неважно. Это неважно. Как было прежде, так и сейчас. Пока в ней теплится жизнь, всё можно

изменить. Всё можно преодолеть. То, что она осознаёт проблему, само по себе огромный шаг на пути к исцелению. Далее следует просто работать над собой и надеяться, что сквозь трещины в крепостной стене разума некому будет просочиться, пока те не окажутся надёжно перекрыты. По крайней мере, тишина позволяет думать, что шансы есть, пусть даже она сама в это не слишком верит.

Царица вздохнула и начала осторожно подниматься на ноги, придерживаясь за ствол дерева. Сейчас её беспокоили куда более насущные вопросы, которые следовало прояснить, и нужно было сделать это до отъезда в столицу.

Катерина неспешно прошла вокруг могучего ствола, ни на секунду не отрывая ладони от белой коры, прежде чем вновь оказалась перед резным ликом и заглянула в красные от сока глаза. Её сознание, крадучись, скользнуло вперед — к пропасти, скрывающейся в глубине древесины, и нерешительно застыло в шаге от того, что ей представлялось темной щелью в никуда.

В голове Катерины невольно всплыло произошедшее буквально несколько минут назад.

Когда на подходе к замку её распростёртый дух коснулся границы этого священного для северян места, она сразу уловила присутствие эфира. Оно было немногим сильнее того, что витало в оплавленных руинах Летнего Замка, но, в отличие от тех пятен, здесь тень волшебства покрывала всю территорию богорощи ровной пеленой и ощущалась по-настоящему живой. Пройдя рядом с границей дымки, которая чуть выступала за стену, прикрывавшую капище, царица почувствовала, что волшебный туман начал едва заметно ластиться к ней, стремясь слиться с её собственной сущностью, но Катерина не спешила впускать в себя незнакомое волшебство, пусть даже от него исходила заметная доброжелательность.

Уже за тяжелыми вратами из чёрной бронзы, в честь которых замок получил своё имя, заметила она и сердцедрево. Древнее и недвижимое, оно таилось за дымкой, ощущаясь под её ментальным прикосновением не живым древом, но каменной колонной с шершавой, неподатливой поверхностью.

Припомнив жизнь Лианны, царица отметила, что её юное «я» просто обожало бывать в Винтерфельской богороще. Для беззаботной девочки это священное место было любимой частью замка. Там она играла с братьями, училась ездить верхом и читала книги, которые тайком вытаскивала из библиотечной башни. Каждая забава там была веселее, каждое дело спорилось, каждый сон становился слаще, и вот теперь, изучая богорощу незамутнённым сном взглядом, Катерина начинала понимать, почему.

В первый день, когда отряд располагался на отдых, а она сама общалась с собравшимися здесь северными лордами и отдавала дань уважения хозяевам на устроенном в честь их прибытия пире, Катерина ни на мгновение не упускала из виду как саму рощу, так и людей, посещавших священное место. Ей для этого даже не нужно было находиться рядом, ведь в этом мире ничто не мешало охватить своим вниманием весь замок вместе с окружающими территориями, а вечный штиль эфира позволял следить за каждой мелочью на гораздо большем расстоянии, чем было привычно. Само по себе умение, которое она использовала, не представляло из себя ничего особенного: просто один из аспектов шестого чувства, которым обладали все, кого коснулось Море Душ, выраженное в подобии банального осязания, где место кожи занимает распростертый дух мага. Правда, так можно было ощутить только то, что обладало нематериальной тенью…

Катерина мысленно усмехнулась.

Первое время после пробуждения ей было даже сложно осознать, что что-то может «не обладать» такой аурой. Шутка ли, но в то время, как на её первой родине вечно приходилось отметать множество искажений, вносимых потоками Моря Душ, здесь, в Вестеросе, нужно было следить даже за самым маленьким дуновением на грани восприятия, чтобы добавить в блеклую картину мира мазок-другой. Огоньки человеческих сознаний виднелись чётко и ясно, остальное же можно было достроить самостоятельно, благо на память и воображение Катерина никогда не жаловалась. Впрочем, в замке, где на протяжении долгих веков поколения сменялись несчётное количество раз, да с древним святилищем под боком, исчезало даже это мелкое неудобство.

Каждый раз, когда кто-то входил в богорощу, магия этого места неспешно наполняла его, делясь с душой и телом толикой своей первобытной силы. Кому-то доставалось больше, кому-то меньше, в зависимости от силы самой души, но кое-что получал каждый, вне зависимости от того, почитал ли человек Семерых или был верен Старым Богам. Только когда её земляки молились перед свердцедревом, дымка начинала наполнять их чуть быстрее, но на этом отличие заканчивалось. Волшебство священной рощи в равной степени принимало всех, легко расставаясь со своей силой.

Впрочем, бескорыстной помощью здесь даже не пахло. Наполняя людей, дымка выдавливала вовне их собственную свободную духовную силу, которая мгновенно втягивалась в землю богорощи, в свою очередь, питая это место.

Насколько могла судить Катерина, в этом процессе не было ничего опасного или даже вредного. Силы людей, которые извлекала дымка, постепенно впитывались священным местом, что представляло собой взаимовыгодный обмен, без уродующих душу последствий или подчинения воли с последующим жертвоприношением окружающих и самих себя. На демонов совсем непохоже, даже если припомнить, что в былые времена Первые Люди не чурались подносить своим богам жизни врагов, но, право слово, какое потустороннее создание откажется от гейзера силы, изливающегося из человека в момент предсмертной агонии? Правда, не наблюдалось здесь и ничего божественного — чудеса незапятнанных высших сил всегда обладали своим особым ароматом и текстурой, коих тут не было, — хотя в ином мире могут быть иные признаки, верно? — и оставалось неясно, что скрывается за твердой скорлупой сердцедрева, но издалека её было никак не прощупать.

К утру решив, что со стороны увидела всё, что могла, Катерина решила посмотреть на местный сад во плоти. В конце концов, опасности и возможности нужно знать в лицо, тем более, пока всё говорило о том, что угрозы нет. Даже если перед ней была особо хитрая мышеловка, Катерина всё равно могла извлечь из этого пользу. Силы вокруг практически нет, а ей еще нужно попробовать исцелить себя от ран, которые оставила своим мечом полоумная «повитуха» в доспехах.

Заняв место прямо под ветвями объекта своего интереса, Катерина несколько часов подряд не спеша изучала его, буквально купаясь в призрачной силе этого места, но особых успехов не достигла. Духовная поверхность дерева, издалека напоминавшая камень, вблизи оказалась, скорее, засохшей глиной или даже запекшейся кровью. Хлипкая преграда легко распалась бы под достаточно сильным давлением, но вот силы-то у Катерины сейчас и не было, а ее осторожные попытки проскользнуть мимо та успешно пресекала. Тем не менее, просто так сдаваться царица не собиралась, и поэтому с болезненным любопытством продолжала пытаться потихоньку заглянуть под эту странноватую корку.

За этим делом и застал её Хоуленд, а потом рассказал о своём видении…

В одно мгновение всё её существо заполонила неуправляемая паника. Весь самоконтроль Катерины разлетелся на куски, оставив только одну нестерпимую потребность любым способом подтвердить или опровергнуть свой страх. А потом её внимание вновь обратилось к дереву — к этому наглому дереву, которое смело что-то скрывать! — и она, уже ничего не соображая, бросила на него все, что имела. И на беду, у неё получилось. В какой-то момент её бесноватых метаний часть преграды ухнула в сокрытую под ней бездонную пропасть, чуть не утянув упрямицу следом за собой.

Царица мысленно покачала головой.

Она сама не знала, каким чудом опомнилась и сумела удержаться в собственном теле, пусть и потратив на это всё, что сумела собрать из дымки за предыдущие часы вместе с частью собственной жизненной силы, но то, что ей удивительно повезло, Катерина понимала очень чётко. Еще бы чуть-чуть и Рид мог остаться наедине с бездыханным телом.

Но везенье или нет, а дело нужно довести до конца.

Катерина тихо выдохнула и со всей возможной осторожностью прильнула к бреши в эфирном панцире дерева. Её мысленному взору предстало пересечение глубоких ущелий, тянущихся во всех направлениях. Покатые, сухие стены, некогда выточенные бурными потоками, уходили далеко вниз, постепенно исчезая в темноте.

Царице вспомнились доклады об опасных кавернах, частенько появляющихся на землях Страны Троллей. Они возникали, когда очередная волна искажения, принесённая северными ветрами, по случаю оставляла поверхность нетронутой, но создавала огромные пустоты, в которые было проще простого провалиться — примерно так же, как она чуть не провалилась за тонкую преграду сердцедрева. Только здесь всё происходило на духовном уровне, и источником коварного места явно была не хаотическая случайность.

Прислушавшись к себе, Катерина убедилась, что поблизости нет никакой скверны, после чего начала медленно спускаться ниже.

«Интересно, — подумала Катерина, оглядываясь по сторонам, продолжая движение. — Это похоже на пересечение пересохших русел подземных рек. Здесь нет никакой воли, которая могла бы навязать окружению такую форму, а значит, я вижу свою интерпретацию того, что лучше всего отвечает сути этого места. Узел, в котором пересекаются несколько потоков силы? Возможно-возможно… Тогда сердцедрево и богороща, должно быть, выполняют ту же роль, что и древние менгиры на землях Кислева. Но почему для столь деликатного дела использовали растения? Скалы, расписанные рунами, кажутся более удобным и безопасным выбором. Как минимум, они менее подвержены одержимости, с деревьев же сталось бы в какой-то момент просто встать и уйти по своим делам. Или некие особые свойства чародрев решают эту проблему? Хм…»

Тихое журчание, донесшееся до призрачных ушей Катерины, вырвало её из размышлений. Похоже, она почти добралась до дна.

Катерина вгляделась в темноту. Там, в глубине, на самом краю слабого здесь зрения, начали появляться блики света. Вскоре они превратились сначала в мутную перламутровую ленту, а затем в небольшой ручеёк, весело несущий свои воды куда-то вдаль.

Спустившись к «воде», Катерина заглянула в неё, тщательно изучая ручеёк, но не прикасаясь к нему. Без сомнения, перед ней был не обман, а настоящий поток силы эмпирея, причём такой чистоты, какой она не видела никогда в своей жизни. Чудо, настоящее чудо! Это не

свирепые северные бури, переполненные миазмами мерзкой скверны, и не они же, насильно очищенные и преобразованные в Восемь Ветров, и даже не уникальные приливы зимы и лета, которыми питала своих детей земля Кислева. Совершенно нейтральный поток! Эту энергию мог принять в себя любой чародей и преобразовать её абсолютно во что угодно. Да, этот ток силы слаб, но он всё равно во сто крат сильнее, чем все, что она здесь видела до сих пор… и эта чистота…

«Так вот куда уходит то, что добывает из людей богороща, — подумала Катерина, зачарованно глядя на журчащую «воду». — И прежде, чем попасть сюда, сила совершенно обезличивается. Поразительно. Если это работа деревьев, тогда понятно, почему Дети Леса выбрали именно их».

Чуть помедлив, Катерина протянула к воде свою эфирную руку. Ведь если бы она взяла отсюда хоть пригоршню силы, то могла бы исцелиться уже к вечеру. Войдя в её тело, нейтральная энергия легко превратится в её собственную жизненную силу, создав свободный запас полностью подвластный её воле. Благодаря ему она легко сможет подправить положение мышц живота, разгладить отвратительные рубцы и даже окончательно избавится от мучительного истощения! И для этого всего-то нужно...

Но стоило Катерине коснуться поверхности, как она почувствовала сопротивление, а стены начали испускать некое подобие неодобрения. Сеть каналов магии, пронизывающая Вестерос, явно не желала делиться силой просто так.

Разочарованно поджав иллюзорные губы, Катерина отправилась в обратный путь к своему телу. Незачем искушать судьбу сверх необходимого.

Когда царица вновь увидела мир через свои настоящие глаза, она с прищуром посмотрела на сердцедрево. За время её отсутствия прореха в панцире уже начала зарастать, само же священное дерево грозно взирало в ответ.

— Что ж, следовало ожидать, что легкого пути не будет, — прошептала Катерина, вдумчиво разглядывая скудный, но такой желанный источник силы.

***

— И вот мы ворвались в их строй, — грохотал голос Амбера. — Я и братья разбрасывали тщедушных Таргарионовских солдат, словно нашкодивших котят! Кровь реками обагряла наши мечи, а грохот сражения забивал уши. Мы шли вперед, кроя черепа и вспарывая животы, и никто не мог остановить нас — ни солдаты, ни хваленые южные рыцари. Но запал боя коварен, и мы познали это на собственной шкуре. Спеша убить больше врагов, мы не заметили, как отделились от остального войска. Я, Донэл, Лукан и еще пяток воинов нашего дома оказались в окружении. Мы попытались пробиться назад, но те, кто преградил наш путь, оказались крепче убитых ранее, а остальные атаковали со всех сторон, поэтому нам пришлось занять круговую оборону. Таргарионовские выкормыши накатывали на нас, но своре дворняг не взять ярого великана! Поэтому мы просто пускали им кровь и отбрасывали назад. К сожалению, даже такие великие воины, как мы, не всесильны. Первым пал Донэл, копьё особенно мелкого и удачливого врага вошло ему точно между шлемом и шейной бронёй. Мгновенная смерть. Еще трое из нашего отряда вскоре последовали за ним, но прежде, чем погибнуть, каждый из них взял по десятку жизней лоялистов. Надежды оставалось всё меньше, но мы продолжали сражаться. И вот, когда прилив вражьих сил готов был накрыть нас, пришла подмога! Мой

дядя Морс вместе со своими бойцами прорезал войско врага, открывая нам путь к спасению. Никогда я еще не был так рад видеть этой облезлой медвежьей шкуры! Но в самый последний момент, когда мы уже отступали из окружения, арбалетный болт прошил бок Лукана. Нам удалось вытащить этого славного вояку из боя, но рана оказалась смертельной. Он отправился к богам вскоре после того, как Таргариены были разбиты. — Большой Джон приостановил свой рассказ и приложился к бурдюку с вином.

— Спасибо за рассказ, Джон. Он был достоин великой песни, — задумчиво произнесла Катерина с печалью в голосе. — И прими моё сочувствие по поводу смерти твоих братьев.

— Не стоит о них горевать, Лианна. Это была достойная смерть, — пробасил Джон, утерев рукавом вино с бороды. — Вот дядю Морса жаль, у него же больше сыновей не осталось.

— Ты прав, Джон. Печалиться смерти Донэла и Лукана было бы неуважением к их доблести, — сказала Катерина, слегка кивнув. — Расскажи, что произошло дальше?

Большой Джон пожал могучими плечами, которые покрывала походная кольчуга.

— Дальше рассказывать почти нечего. После прорыва я снова вернулся в бой, но вскоре Роберт убил Рейгара, и это сломило дух лоялистов. Они начали разбегаться. Многие попали в плен, но еще большее число ушло от нас. — Он кровожадно усмехнулся и добавил: — Я хорошо видел, что осталось от Рейгара, не знаю, говорили ли тебе другие, но Роберт славно постарался. Удар молота выбил дракона из седла, смяв грудину вместе с доспехом, а потом его затоптала собственная лошадь.

— Туда и дорога этому ублюдку, — ответила Катерина, и не думая скрывать своего удовлетворения. — Жаль только, эта смерть была для него слишком милосердной. Если бы его взяли живым, я бы просила Роберта приказать сделать из него евнуха, а затем продать лиссийским работорговцам. Уверена, жители этого распутного города нашли бы применение даже Принцу без мужского естества.

Отметив краем глаза, как содрогнулись некоторые из окружающих её мужчин, Катерина незаметно улыбнулась краешком губ. Маленькая месть, но до чего же сладкая.

Подходил к концу второй день пути. Полтора дня назад армия вошла в пределы Королевского леса, и всё это время солдаты и дворяне этих проклятых богами Семи Королевств не переставали выводить Катерину из себя. Их беспечность, и граничащая с преступной глупостью безалаберность, заставляла её чуть ли не скрипеть зубами. Даже сопровождавший её отряд, прежде не вызывавший нареканий, оказался заражен всеобщим разгильдяйством. Здесь не было ни толкового бокового охранения, ни арьергарда. НИ-ЧЕ-ГО. И это в лесу. В ЛЕСУ, прокляни их боги!

Умом Катерина понимала, что Вестерос это не Старый Свет, и местные повседневные опасности не идут ни в какое сравнение с привычными ей, но одно дело знать из почти своих воспоминаний, и совсем другое увидеть это воочию. За всё то недолгое время с момента её пробуждения это был первый раз, когда она почувствовала себя здесь по-настоящему чужой. Истинное понимание того, насколько же далеко она от дома, принес не ни на что непохожий язык, не невероятная тишина Моря Душ и даже не бесконечно чуждое небо иного мира. Нет. Всему виной то, с каким безразличием люди относились к тому, что дорогу с двух сторон сжимает в удушающих объятиях непроходимая чащоба. И ведь это было не знакомое ей спокойствие уверенных в своих силах воинов, готовых встретить во всеоружии и банду зверолюдов, и тролля, и мантикору, о нет. Вестеросцы просто не воспринимали лес как

источник неминуемой опасности, что было естественным для любого незатронутого хаосом человека её первой родины. Пусть для кислевитов искаженное зверьё было меньшей проблемой, чем для тех же имперцев, поскольку большую часть страны покрывали степи, но всё равно настороженное отношение к густым зарослям они впитывали с молоком матерей. А здесь… здесь этот естественный инстинкт оказался лишним, ведь на всём континенте едва ли найдётся даже полудохлая стая лютоволков.

Впрочем, понимание того, что реалии Вестероса несколько отличаются от привычных ей, совсем не умаляло негодования Катерины по поводу ужасной организации передвижения войска. У них тут гражданская война идет, или как? Победа над основными силами противника головы вскружила? Как жаль, что в данный момент у неё не было никакой возможности радикально исправить это непотребство. Поэтому она прятала своё раздражение за милой улыбкой — благо с её лицом это был не великий подвиг — спокойно продолжая путешествие, изредка спуская пар вот таким нехитрым способом. Хорошо, что у лордов оказалось достаточно фантазии, чтобы ей не приходилось слишком напрягаться, тем более, что большинству было непривычно слышать такие замечания от юной девушки. Хотя пробирало это далеко не всех.

Услышав её слова, Джон Амбер разразился громким хохотом.

— А вы жестоки, леди Старк, — тонко улыбнувшись, прошелестел Русе Болтон, ехавший неподалёку от Амбера. Его бледные глаза чуть блеснули.

Интересный человек. Такого бы с радостью приняли в дознаватели Чрезвычайного Комитета. Хотя позже наверняка бы казнили, но прежде он сполна мог поработать на благо Кислева, заставляя верещать от страха даже некоторых не до конца преображенных культистов Темного Принца.

— Отнюдь, лорд Русе, я всего лишь справедлива. В конце концов, такой финал не слишком отличается от того, что этот ублюдок готовил для меня, — слегка усмехнулась ему в ответ Катерина. — Будь я жестока, то, скорее, пожелала бы воспользоваться известными талантами вашего дома. Вы же не отказали бы в небольшой просьбе дочери вашего покойного сюзерена?

— Безусловно, миледи. Безусловно, — откликнулся он, чуть склонив голову.

— Ха-ха-ха! Иные побери, Лианна, ты всегда была не менее буйной, чем Мормонтиха, но с такой фантазией ты даже страшнее Мейдж! — проревел Амбер сквозь смех. — Как с тобой будет справляться южанин? Пусть Баратеона, в отличие от большинства других, можно уважать, но, боюсь, нашего нового короля ждет незавидная участь! Ба-ха-ха-ха!

— Ой, брось Джон, я не так плоха, — беспечно отмахнулась Катерина. — Роберт сделал мне такой прекрасный свадебный подарок, что я ради него готова побыть милой и кроткой леди. Кто знает, может быть, после свадьбы я даже начну вышивать.

— Вышивать? Ты? — проговорил Амбер, на миг даже оборвав смех, после чего загоготал пуще прежнего: — Ба-ха-ха-ха! Леди Старк, не шути так! Иначе я могу помереть со смеху! Баха-ха-ха! Это же будет позор на весь мой дом, ха-ха-ха! Готов поклясться перед сердцедревом, это будет незабываемое зрелище! Я еще помню судьбу той несчастной септы, которую подрядили научить тебя притворяться южанкой!

Катерина обиженно надулась.

— Она была сама виновата. Семеро то, Семеро сё, всю плешь мне проела, полоумная баба! — возмущенно ответила царица, после чего недовольно фыркнула и отвернулась.

— Вы разожгли моё любопытство, леди Старк, — едва слышно на фоне смеха Амбера произнес Русе Болтон. — Не скрасите нам путь сей, без сомнения, увлекательной историей?

Катерина тяжело вздохнула.

— Вряд ли этой сказки из детства хватит надолго, — откликнулась она. — Просто как-то раз настойчивая проповедница неожиданно обнаружила себя в куче конского навоза, вот и всё.

— Раз? — вновь подал голос веселящийся Амбер. — К чему такая скромность? Скорее, два или три! Если я ничего не путаю, эта «неожиданность» повторялась до тех пор, пока урок не въелся в неё вместе с вонью!

— Может, и так, — задумчиво ответила царица, припоминая в деталях этот эпизод почти своей жизни. Неожиданно она протяжно зевнула, прикрыв рот ладонью. Усталость, скопившаяся за те недолгие часы, которые ей пришлось провести в седле, напомнила о себе совсем не вовремя. Похоже, последствия выматывающей беременности и безумных родов всё ещё довлели над ней. Кроме того, помня о словах Хоуленда о том, как отчётливо её видно всем, отмеченным эмпиреем, Катерина усилием воли держала свой дух настолько «свёрнутым», насколько это было возможно, что тоже немного утомляло — особенно учитывая, что она не отпускала концентрацию даже во сне.

Снова тяжело вздохнув, Катерина обратилась к своим спутникам:

— Что ж, лорды мои, сколь бы мне ни была приятна ваша компания, думаю, я должна вас оставить. Дорога утомила меня, поэтому дальнейший путь мне придется продолжить в карете.

Она склонила на прощание голову и, уже не слушая ответных реплик, направила кобылу вглубь движущегося войска. Вслед за ней отправился и Этан, еще более молчаливый, чем обычно, продолжающий охранять свою будущую королеву даже в окружении верных воинов Севера. Миновав конных воинов и редких в северном войске рыцарей — поди разбери, где одни, а где другие — едущих во главе армии, Катерина оказалась среди неспешно катящихся повозок, нагруженных ценным скарбом высокородных господ, за которым приглядывали молодые оруженосцы и личные слуги. Здесь же находилась и небольшая карета, приготовленная специально для неё распоряжением внимательной леди Баклер.

Её личная служанка Неллика сидела на козлах рядом с возницей. Девушка, заметив приближение госпожи, встрепенулась и быстро затормошила своего сонного соседа. Когда Катерина подъехала совсем близко, карета уже остановилась, а Нелли спрыгнула вниз и ожидала её у дверки.

— Л-леди Старк, здравствуйте! Вы желаете п-продолжить путь в карете? — чуть заикаясь, пролепетала она, резко поклонившись.

— Здравствуй, Нелли, — мягко произнесла Катерина, спустившись с лошади и передав уздечку подоспевшему слуге. — Да, я немного устала, поэтому останусь здесь. Подай целебный настой и одеяло — думаю, мне не помешает немного вздремнуть.

— К-конечно, госпожа, — ответила служанка, открывая перед Катериной дверь кареты.

Царица забралась в повозку и с тихим блаженством опустилась на мягкое сиденье. Когда она выглянула наружу, Нелли уже исчезла.

— Трогай, Томас, — приказала она вознице, чтобы не тормозить движение больше строго

необходимого. Хотя войско двигалось неспешно, но пока карета стояла, первый обоз успел продвинуться вперёд, и за ними уже отчётливо слышался гомон пеших воинов из дружин лордов. Будет не очень хорошо, если из-за неё в и так не блещущем порядком продвижении армии начнётся еще большая сумятица.

Возница споро привязал кобылу Катерины к задку кареты, колёса скрипнули, и их маленький караван двинулся вперед по королевскому тракту, вернувшись в поток медлено бредущих слуг и катящихся телег. Вскоре вернулась Нелли с пуховым одеялом и бурдюком с травяным настоем.

Приняв на ходу из рук служанки всё, что та принесла, Катерина сложила одеяло на сиденье рядом с собой, откупорила бурдюк и поднесла к губам деревянное горлышко. Сделав пару глотков приторно-сладкого пойла из мёда и трав, Катерина закрыла бурдюк и с силой выдохнула воздух, стараясь хоть немного рассеять неприятный привкус мейстерского зелья. Последнее время она до того часто пила эту бурду, что уже начала испытывать к ней отвращение, вот только это был совсем не повод отказывается от лекарства, которое действительно помогало.

Задумчиво повертев в руках мягкую бутыль с настоем, Катерина отложила его в сторону, после чего выглянула в небольшое окно и нашла глазами свою служанку. Как и ожидалось, робкая девочка всё еще семенила вслед за каретой, не решаясь вернуться на своё место на козлах.

— Неллика, забирайся в карету, мне нужно с тобой поговорить, — позвала Катерина.

В ответ на слова царицы девушка чуть вздрогнула, а в её глазах мелькнула тень страха, но она немедля подчинилась.

— Да, госпожа, — пролепетала она, быстро забираясь на ступеньку движущейся повозки.

Катерина откинулась на спинку сиденья, слегка хмуря брови. В каждом движении служанки было заметно напряжение и нервозность. Нет, она, конечно, знала, что еще в той проклятой башне сильно напугала девочку, но раньше ей казалось, что та переборола свой страх. По крайней мере, со своей работой Нелли справлялась без проблем и не шарахалась от каждого её слова.

— Вы что-то от меня хотели, леди Старк? — спросила Неллика, опустив глаза на свои руки, которые нервно теребили подол платья.

Катерина задумчиво оглядела девушку. Молодая. Даже моложе её нынешнего тела. Лет четырнадцать, не больше. Чуть припухлые щечки, аккуратные губки, темные ресницы, карие глаза. Длинные ореховые волосы заплетены в толстую косу. Милая девочка, которой уже пора выходить замуж. Вполне понятно, почему гвардейцы оставили её при себе — клятва «не брать жены» отнюдь не означает «не брать женщины». Вопрос в другом… Откуда в таком возрасте у неё взялось умение зашивать открытые раны? Причем не как придётся, а вполне качественно. Всё же это дело совсем непростое, да и абы кто ему не обучит.

— Да, Нелли, я бы хотела перед тобой извиниться, — мягко произнесла Катерина.

— М-моя леди? — пискнула служанка, вскинув на неё широко открытые глаза.

— Ты заботилась обо мне столько времени, более того, если бы ты не зашила мою рану, меня бы сейчас не было на этом свете, а я так на тебя набросилась, даже чуть не убила, — продолжила царица. От её глаз не укрылось, что при упоминании убийства девушка мелко

задрожала. — Пусть я тогда плохо понимала, что происходит, но это меня не оправдывает, и поэтому я прошу у тебя прощения.

Неллика снова спрятала взгляд.

— Вам… вам не за что извиняться, леди Старк, — с трудом выдавила она.

Девушке явно было некомфортно говорить об этом и, похоже, не столько из-за самого события, сколько из-за высокого положения Катерины, что было вполне естественно. В конце концов, даже в Кислеве извинение высокородной барыни перед простой деревенской девчонкой выглядело бы странно — если, конечно, никто из них не состоял в Сестринстве ледяных ведьм — что уж говорить о Вестеросе с его практически Бретонскими порядками.

— Что ж, я рада, что ты так считаешь, — сказала Катерина, решив не давить на девушку еще больше. — В таком случае, давай поговорим о твоей награде.

— Но, л-леди Старк, вы же уже взяли меня личной служанкой! — тихо вскрикнула Неллика, вновь подняв голову. — Для… для такой, как я, это великая честь, и я не смею…

— Это сущая мелочь, — оборвала её Катерина. — Я задолжала тебе собственную жизнь, поэтому с моей стороны было бы чёрной неблагодарностью в ответ просто взять тебя служанкой. Это недопустимо. Скажи мне, чего ты хочешь и, если это будет в моих силах, я позабочусь о том, чтобы ты получила желаемое. Золото? Земли в приданое? Свадьба с кем-то не слишком знатным? Подумай и дай мне свой ответ, Нелли.

Катерина умолкла и снова взялась за бурдюк с лекарством, краем глаза следя за собеседницей.

«Может быть, я переборщила? — невольно подумала царица, наблюдая за метаниями девушки. Её слова явно вызвали в голове Неллики настоящую бурю. Она ёрзала на месте, бледнела, краснела, оглядывалась по сторонам, будто в поиске совета, открывала рот, порываясь что-то сказать, но не издавала не звука. В конце концов, девочка просто уставилась на свои кулаки, крепко вцепившиеся в подол, и съёжилась на своём месте. — Хм… определённо переборщила. Но всё же она до ужаса робкая. Надеюсь только, это не следствие того, что кто-то из этих ничтожных гвардейцев был с ней слишком груб».

— Ладно, Неллика, вижу, я слишком напориста, — как можно мягче произнесла Катерина. — До Королевской Гавани нам еще дня четыре, так что время есть, но к приезду в город я бы хотела знать, что ты решишь, хорошо?

Служанка вздрогнула и что-то едва слышно пробормотала.

— Хм? Я не расслышала, — сказала Катерина, чуть подавшись вперёд.

— Да, леди Старк, — выдохнула Неллика.

— В таком случае можешь идти.

Девушка нервно кивнула и юркнула наружу, быстро скрывшись от взгляда Катерины среди груженых повозок и шагающих слуг.

«И что с ней сегодня такое? — подумала царица, массируя переносицу. — Будь и раньше так, то она бы просто не смогла выполнять свои обязанности. Такое я пропустить не могла, ведь девочка практически всё время была при мне. Получается…»

Размышления Катерины прервал какой-то новый шум впереди. Прислушавшись, она уловила отдалённые возгласы глашатаев, которые сразу всё прояснили: «Дорогу Королю! Дорогу Королю!».

— Томас, стой, — приказала она вознице. Тот беспрекословно подчинился.

Катерина распахнула дверь кареты и поднялась на ноги, крепко ухватившись за крышу. В передних рядах образовался затор, из-за чего войско начало постепенно останавливаться. Причина же происходящего гордо извещала о себе высоко поднятым чёрно-золотым знаменем Баратеонов.

Как она и предполагала, Аррен не смог удержать Роберта на месте. Хотя он всё же добрался до них слишком быстро. Он что, гнал лошадей галопом, менял их на постоялых дворах и снова гнал? Судя по тому, что она помнила, это было вполне в его духе.

Вскоре показался и сам виновник суматохи. Он вырвался из гущи всадников, чуть ли не расталкивая их боками своего гнедого скакуна, дико оглядываясь по сторонам. На нем было несколько помятое и запыленное подобие кафтана, которое едва не рвалось под напором его могучих плеч и широкой груди. Темные, растрепанные волосы до плеч обрамляли чисто выбритое лицо с прямым носом и волевым подбородком. Роберт Баратеон собственной персоной.

Его напряженный взгляд оббегал повозку за повозкой, пока, наконец, не остановился на её карете и мгновенно просветлел. Даже издалека Катерина видела, как в его глазах вспыхнуло искреннее счастье.

— Лиа! — проревел он, радостно улыбнувшись, после чего направил лошадь в их сторону, едва не переходя на рысь, но из-за толкотни не имея возможности двигаться быстро, даже несмотря на то, что все на его пути спешили убраться с дороги. Наконец, яростно выругавшись, Роберт спрыгнул с лошади и продолжил путь бегом.

Спустя несколько мгновений молодой король оказался возле Катерины, всё еще стоявшей на верхней ступеньке кареты и, не говоря ни слова, обнял её за ногу и прильнул лицом чуть ниже грудей. Едва заметная задержка, и его руки напряглись, явно желая поднять свою добычу, но в этот момент Катерина решила привнести в этот счастливый балаган толику порядка.

— Стоять, — чётко сказала она, чувствительно хлопнув ладонями по плечам Роберта. — Ваше Величество, а как же приличия? Вы же не какой-то дикарь из-за Стены, не так ли? — строго произнесла она, когда король замер под её руками.

Мужчина с силой втянул воздух, после чего отнял лицо от её тела и посмотрел вверх. Его голубые глаза встретились со светло-серыми очами Катерины.

«Нужно будет заставить его перестать бриться, — рассеяно подумала она, проведя пальцем по его лицу. — Эти гладкие щёчки всё только портят».

— Ах да, приличия, — ухмыльнулся Роберт во все зубы, озорно блеснув глазами.

Он с заметной неохотой отпустил её, после чего сделал от кареты ровно один шаг назад.

— Моя прекрасная леди Старк, позвольте вам помочь спуститься, — церемонно произнёс он, предлагая ей руку.

Замерев на долю мгновения, заметную лишь ей одной, Катерина легко улыбнулась и вложила свою тонкую ладонь в широкую лапу Роберта.

http://tl.rulate.ru/book/31769/694160